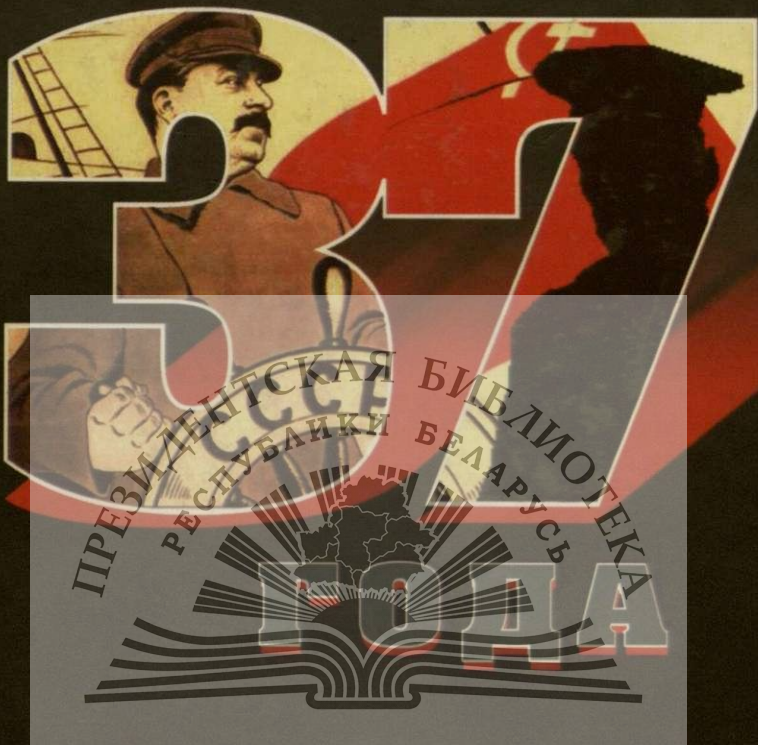

9(47)(092) / Д 56

ЗАГАДКА

ВЛАДИМИР ДОБРОВ

**ТАЙНЫЙ
ПРЕЕМНИК
СТАЛИНА**

9(47)(092)

Д 56

ВЛАДИМИР ДОБРОВ

**ТАЙНЫЙ
ПРЕЕМНИК СТАЛИНА**

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

экземпляр

МОСКВА
2010

«АЛГОРИТМ»

Президентская библиотека
Республики Беларусь

2 010000 101155

АБ

УДК 323
ББК 63.3
Д 56

Д 56

Добров В. Н. Тайны преемника Сталина / Владимир Добров. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 248 с. — (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-699-43402-2

Подготавливая к Сталину себе достойную смену, каким он видел будущее страны? Почему едва ли не самому талантливому в российской истории государственному деятелю, принявшему полуразрушенную страну с деревенской сохой, а оставившему ее современной и великой державой с ядерным оружием, не удалось добиться сохранения преемственности своего курса?

Ответ на эти вопросы ищет в своей книге член Союза писателей РФ и исследователь сталинской темы В.Н. Добров. Опираясь на воспоминания людей, близко знавших И.В. Сталина, и архивные материалы, ряд которых публикуется впервые, автор приходит к выводам, которые могут показаться парадоксальными. Как показано в книге, И.В. Сталин готовил себе преемника, а также воспитывал и обкатывал на руководящих должностях молодую смену руководства СССР. Однако в ходе государственного переворота 5 марта 1953 года страна сошла с намеченного Сталиным пути, а подобранные вождем молодые руководители были отодвинуты в сторону старой партийной гвардией, стремившейся сохранить свою власть.

УДК 323
ББК 63.3

ISBN 978-5-699-43402-2

© Добров В. Н., 2010
© ООО «Алгоритм-Издательство», 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

Часть 1

КОМУ СТАЛИН ХОТЕЛ ДОВЕРИТЬ СТРАНУ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ПРЕЕМНИК СТАЛИНА

— Товарищ Пономаренко? С вами будет говорить товарищ Сталин.

Первый секретарь ЦК Белорусской компартии прождал еще около минуты, держа в руках трубку специальной связи, когда услышал, наконец, глуховатый голос Сталина:

— Здравствуйте, товарищ Пономаренко. Как идут восстановительные работы в Минске? Собираетесь ли Вы приехать ко мне в Потсдам, как обещали?

— С восстановлением возникли сложности. Я сообщил об этом в ЦК, надеюсь на помощь Центра. Но основное сделаем сами. Как раз сегодня у нас актив — обсудим выдвинутые предложения. У нас к этому делу подключены все областные и районные организации. Думаю, через месяц доложу вам о первых результатах. Приехать к вам не могу. Планирую поездки по ряду областей и городов, где надо срочно решать вопросы. Меня уже ждут и не поймут, если не приеду. Люди верят нам, надеются на конкретную помощь. Не хотелось бы их подводить. Да и вам мешать неудобно.

— Хорошо, действуете по своему плану. До свидания.

Сталин привычно подавил раздражение, вызванное отказом в его просьбе. Он хорошо контролировал себя

и умел подчинять эмоции холодному разуму. Вот и сейчас вождь понимал, что Пономаренко прав. Бросать неотложные, горячие дела, от которых зависели судьбы многих тысяч людей, он не мог. Даже ради встречи с первым в государстве и партии человеком, — тем более что на этой встрече предполагались беседы на темы, не имевшие прямого отношения к решавшимся в республике вопросам. И Сталин невольно провел параллели со своими соратниками — членами Политбюро. Уж из них-то никто бы отказался. Тот же Хрущев моментально бросил бы все дела и помчался в Потсдам.

Хорошо еще, что среди партийных руководителей остаются такие люди, как Пономаренко. Жаль только, что мало. Куда больше бездумно послушных и угодливых, как этот Хрущев. Сколько их отстраняли, а они все равно лезут наверх. Придется скоро взяться за пропашку и выкорчевку всех этих сорняков...

Вождь пригласил Пономаренко в берлинский пригород Потсдам, где должна была проходить конференция держав — победителей Германии по послевоенному регулированию. По его указанию там для Пономаренко был даже приготовлен специальный домик. По пути на конференцию Сталин пару раз спрашивал «Не приехал ли Пономаренко?». Но домик пустовал, и Сталин решил позвонить Пономаренко лично.

А началось все 15 июля 1945 года, когда по пути в Германию вождь побывал в Минске и, естественно, беседовал с главой белорусской партийной организации по назревшим вопросам, главным образом касавшимся преодоления послевоенной разрухи. Беседа началась в поезде и продолжалась по пути его следования к границе. Сильное впечатление произвели на вождя сплошные разрушения, которые он видел из окна вагона: от Смоленска до Минска сожженные деревни и развалины поселков и городов. Пономаренко стал рассказывать ему о восстановительных

работах, которые касались не только жилья для людей, но и школ, больниц, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. К этим работам активно привлекаются и части Советской армии. Пережитые испытания сплотили людей, сделали их более дружными, сплоченными и менее эгоистичными, подчеркнул руководитель белорусских коммунистов. Предусмотрено и то, что многие семьи лишились мужских рук, им, конечно же, труднее восстанавливать жилье. Разработанный правительством порядок восстановления предусматривает оказание им специальной помощи. Из землянок в новые дома переселилось уже более 100 тысяч семей воинов Советской армии, погибших партизан и подпольщиков.

Но тут в разговор вступает Берия, сопровождавший специальный поезд до границы. «Вы, товарищ Пономаренко, сильно разбрасываетесь. Предприятия, больницы. Все силы сейчас надо сосредоточить на строительстве жилья. Вот мы проехали по Белоруссии, везде одни разрушения. Человек без жилья — плохой работник. Все надо бросить именно сюда. Иначе люди этого поймут».

«Они уже поняли и сами требуют, чтобы наряду с жильем мы восстанавливали школы, а их у нас более 10 тысяч, больницы, детские дома, — резко возразил Пономаренко. — Да и те же машинно-тракторные станции. Они уже к 1 июля на 138 процентов выполнили план весенних полевых работ. И я не согласен с тем, что человек без жилья плохой работник. У нас сейчас многие его не имеют, а работают в полную силу, самоотверженно. Понимают, что все сразу восстановить невозможно. И вообще я против починов и призывов, когда все бросается на одно-единственное дело или направление. Выделить главное, да, согласен, но и о другом забывать не следует. Да это и нереально, все ведь между собой связано. Мы этот вопрос уже обсуждали в ЦК и Совнаркоме Белоруссии и свою позицию определили».

Удивленный таким отпором Берия замолчал. Сталин же — а именно от него Берия позаимствовал свои аргументы — с интересом вслушивался в разгоревшуюся перепалку. Ему нравилась горячность и равнодушие к своему делу белорусского секретаря. Чувствовалось доскональное знание им не только хозяйственных вопросов, но и настроений людей. Сталин знал также, что в отличие от других руководителей республиканских, да и областных организаций Пономаренко предпочитает коллективный метод руководства. Не только выслушивает, но и старается учесть в своей работе разумную критику и возражения своих подчиненных. Никогда не кричит на них, не унижает. В отличие от Берии и Хрущева, к общению которых с теми, кто ниже их по рангу, вполне подходит афоризм «речь без мата, что щи без томата», Пономаренко такой приправы к своему общению с людьми никогда не добавлял.

Вождем нравилось и то, что молодой белорусский руководитель решения всегда принимал сам и не прятался за спины других, когда это решение не нравилось его прямым кураторам в Москве, в Центральном Комитете. Сталин уже получал жалобы на его действия, но каждый раз проверка показывала, что Пономаренко всесторонне и глубоко продумывает свои решения, не боится ответственности за них и твердо отстаивает свою позицию перед Центром.

Сталин ценил и поощрял такие качества у партийных и хозяйственных руководителей, он видел, что людей, обладающих этими качествами, становилось все меньше. Сталин с горечью говорил об этом и на Политбюро, и на всевозможных партийных собраниях и заседаниях, но положение не менялось. Число «аллилуйщиков партийных решений», как раздраженно называл их вождь, становилось все больше, а вдумчивых, хорошо знающих настроения людей и ситуацию на местах руководителей типа Пономаренко все меньше... Энтузиазм социалистического

строительства первых десятилетий советской власти спал на глазах, что проявлялось и в настроениях «низов», и в поведении руководящих «верхов». Это было какое-то поветрие, связанное, видимо, с меняющимися объективными факторами развития страны, им надо было дать теоретическую оценку и на ее основе разработать соответствующие контрмеры. Но до этого руки не доходили: работа, связанная с хозяйственным восстановлением страны и обеспечением ее безопасности — надо было уже вплотную заниматься созданием атомного оружия, которое уже, по данным разведки, имелось у американцев — занимала все время. А по-настоящему освоивших марксистско-ленинские методы теоретиков и идеологов было раз-два и обчелся. В напряженном ритме социалистического строительства, тяжелейших военных испытаниях было не до их полноценной подготовки. Только теперь стало понятно, что здесь допустили очевидный просчет.

* * *

Сталин хорошо знал ситуацию в республиканских партийных организациях и потому с явной заинтересованностью слушал рассказ Пономаренко. В Белоруссии активность коммунистов, в отличие от других республик и областей, была довольно высокой. А партийные организации всех уровней работали продуманно и инициативно, в них действительно бурлила жизнь. Это было просто удивительно, учитывая, что в закончившейся войне погиб каждый третий житель республики — это были самые высокие потери, понесенные в годы этой страшной войны какой-либо нацией. И Сталин испытывал невольные симпатии к столь пережившему и перестрадавшему народу, который, несмотря на все это, сохранил стойкость духа и уверенность в завтрашнем дне. Да и сам Пономаренко в разговоре со Сталиным ни на что не жаловался, он ставил

вопросы, относящиеся к этому завтрашнему дню, к будущему буквально возродившейся из пепла Белоруссии.

До войны Минск представлял собой город с узкими, кривыми улицами, низким уровнем благоустройства. В нем не было крупных промышленных предприятий, отсутствовала современная система коммунального хозяйства. Эту ситуацию следовало менять. Пономаренко предложил построить в белорусской столице крупный авиационный и тракторный заводы. Ну а восстанавливать город надо с совершенно новым обликом — широкими улицами и проспектами, красивыми домами и современными коммунальными службами. Все это требовало немало средств из союзного бюджета. Сталин, однако, дал свое согласие, тут же поручив Молотову начать подготовку соответствующего Постановления Правительства о строительстве тракторного завода и вызвать в Минск представителей Госплана и Наркомата автомобильной и тракторной промышленности. Когда тот поморщился — со средствами в тот период была крайне трудно, их не хватало даже для восстановления разрушенных предприятий, жизненно важных для страны, — добавил: «Белорусы этого заслужили. Они должны знать, что их подвиг высоко ценит весь советский народ».

Позже Пономаренко говорил друзьям, что жалел, что не поехал в Потсдам. Надо было все-таки откликнуться на сталинское приглашение, тем более что ему было о чем поговорить с вождем. До пограничной станции Барановичи, где сошел Пономаренко, он успел коснуться в беседе со Сталиным и последних достижений в области металлургии и химии. Белорусский секретарь, инженер по образованию, постоянно читал техническую литературу и следил за научно-техническими новинками. Тут он нашел общую почву с вождем, который также много читал, в том числе книги и публикации на технические темы. Сталин всячески

старался поощрять деятельность конструкторов, изобретателей и рационализаторов и, в отличие от других членов Политбюро, подробно изучал наиболее интересные проекты, добивался выделения денег на их реализацию. Его не останавливало даже то, что такие проекты подчас оказывались очередным «вечным двигателем», а выделенные на них средства затрачивались впустую. «Без неудач и риска в науке и изобретательском деле не бывает, — говорил в таких случаях вождь — Лучше потратиться впустую на три несостоявшихся изобретения, чем упустить четвертое, которое может в десятки раз компенсировать затраченные средства». Пономаренко придерживался такого же подхода. На всех своих партийных и хозяйственных постах он поддерживал ученых и изобретателей, даже когда их проекты казались многим сомнительными и нереальными.

Руководителя республики не останавливала, например, неудача с проектом производства искусственного каучука из торфа, которым были так богаты болота белорусского Полесья. В каучуке, закупавшемся за рубежом, сильно нуждалась промышленность страны, особенно оборонная. В лабораторных условиях, в пробирках уже получали искусственный каучук и вполне приемлемого качества. Сталин лично интересовался ходом работ, оказывал необходимую поддержку. Но наладить серийное производство искусственного каучука не удалось, хотя для этого и был построен ряд предприятий и даже начато строительство комбината, на что затрачены немалые средства. Потерпела неудачу и попытка производить бензин из торфа, хотя экспериментальные опыты вначале были успешными. На строительстве завода по его производству было занято почти 50 тысяч человек, но он так и не заработал. Пономаренко, конечно же, сильно переживал эти неудачи, но поддерживать ученых, изобретателей и новаторов не перестал.

* * *

Впервые Сталин услышал фамилию Пономаренко на одном из предвоенных совещаний в ЦК партии, и это тоже было связано с научно-технической темой.

На совещании наряду с другими вопросами обсуждался и утверждался список научной и учебной литературы, которую предстояло выпустить в ближайшие годы. Она издавалась массовым тиражом и требовала немалых бюджетных средств, которые надо было экономить, учитывая начавшийся разворот всей хозяйственной, общественной и научной жизни в сторону подготовки к надвигавшейся войне. Совещание вел заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК партии Маленков, но в Президиуме сидел Сталин, который в это время просматривал списки книг и учебников, которые предстояло резко сократить. Впрочем, все вопросы, видимо, были проработаны и согласованы ранее с теми же учеными, специалистами и сотрудниками цехового аппарата, которые сидели в зале. Когда речь зашла о списке учебников для университетов и институтов технического профиля, Маленков, скорее для проформы, задал вопрос: «Есть ли возражения по этому списку?» — готовясь уже перейти к следующим документам.

— Есть, товарищ Маленков. Здесь нет очень важного учебника по металлургии, а это лучшее учебное пособие в настоящее время. Без него трудно будет вести полноценную подготовку инженеров.

Из первых рядов, где сидели сотрудники аппарата ЦК, поднялся молодой человек, на которого сразу же устремились все взоры. Видно было, что он волновался, но говорил четко и уверенно.

— Я знаю, о чем вы говорите. У этого учебника какое-то мудреное название, его даже не выговоришь. Когда я об-

ратил на это внимание, мне посоветовали его вычеркнуть. Кстати, как раз профессор, специалист по горному делу. И вообще этот вопрос уже решен, — заметил Маленков.

— Не знаю, какой он специалист, только как инженер, закончивший транспортный институт, могу поручиться: лучше учебника по металлургии сейчас нет. Название действительно мудреное, но оно нам не мешало. Без этого учебника вести подготовку инженеров будет трудно. А если вопрос решен, зачем спрашивать наше мнение?

— Подождите, товарищ, как вас зовут? — В разговор вмешался Сталин.

— Пономаренко, — подсказал сидящий рядом с ним сотрудник аппарата ЦК.

— Вы действительно уверены, товарищ Пономаренко, в необходимости этого учебника?

— Уверен, товарищ Сталин. И как коммунист, и как выпускник инженерного института. Лучшего пока нет.

— Ну, раз уверены, то, я думаю, надо еще раз изучить этот вопрос. Хорошие инженеры сейчас нужны.

На следующий день, когда Маленков пришел к Сталину подписать окончательное решение о списках, тот продолжил начатый на совещании разговор:

— Этот ершистый паренек Пономаренко прав. Я посмотрел ваши списки и не нашел там еще несколько книг и учебников, которые нужно было оставить. В чем дело? И с какими специалистами вы консультировались?

— Это известные ученые и опытные специалисты. Мы подбирали наиболее надежных и преданных советской власти. И старались сохранить поменьше учебной литературы, созданной в царское время.

— В этом ваша ошибка. В металлургии и химии классовый подход — несусветная глупость. Вам ли не знать это с вашим инженерным образованием. А насчет известных ученых, мой вам совет: прислушивайтесь к ним, но решение принимайте самостоятельно. Среди научной и творче-

ской интеллигенции немало таких, которые ловят настроения начальства на ходу, стараются ему угодить и сделать приятное, а потом попросить что-нибудь взамен. Когда же мы, партийные руководители, примем неверное решение, легко отмежуются от него. Не мы, мол, были главными. Это все они, невежественные большевики, деспоты и диктаторы, враги культуры и знаний. Постарайтесь, товарищ Маленков, впредь учитывать это.

Учебник сохранили. Сталин сохранил в глубине своей феноменальной памяти фамилию этого «ершистого» сотрудника аппарата ЦК. У вождя был какой-то особый нюх на способных, перспективных людей, и он редко его подводил. Вскоре, впрочем, он вновь услышал эту фамилию.

* * *

Через несколько месяцев, на докладе у Сталина Маленков решил сообщить ему о конфликтной ситуации в одной из крупных областных партийных организаций. Речь шла о Сталинградской области, куда для разбора поступившей в ЦК жалобы о несправедливости привлечения к суду как «врагов народа» группы партийных и хозяйственных работников был послан инструктор Центрального Комитета П.К. Пономаренко. Накануне в ЦК партии прошло совещание, где резко осуждались необоснованные аресты и увольнения людей и говорилось о необходимости соблюдения партийных норм и советской законности. Пономаренко и прибыл в Сталинград как представитель партийного Центра для наведения порядка и прекращения беззаконий.

Сразу с железнодорожного вокзала он направился в обком партии, к его первому секретарю А.С. Чуянову, который, несмотря на позднее время, работал у себя в кабинете. Предложил немедленно заняться разбором поступившего в ЦК письма. Чуянов подтвердил, что в тюрьме

под следствием находится свыше 30 партийных, советских и хозяйственных работников, обвиненных во вредительской деятельности. Тут же вызвали начальника областного управления НКВД, попросив его доставить в обком личные дела подследственных. Папками с ними вскоре завалили кабинет секретаря.

Пономаренко, несмотря на возражение чекиста, тут же вместе с Чуяновым приступил к проверке первого дела. «Один день в тюрьме — это пять лет жизни, — сказал он. — Будем работать сутками напролет, но поручение Центрального Комитета выполним как можно быстрее». Чуянов, понимавший необоснованность многих арестов, согласился с ним, а начальник областного управления НКВД, сославшись на поздний час, уехал домой.

До утра Пономаренко с Чуяновым тщательно изучили несколько дел. Все они были основаны на малоубедительных, а то и просто надуманных обвинениях. Когда пригласили тех, кто сигнализировал о «вредительской деятельности» арестованных, стало ясно, что все обвинения липовые.

В течение трех суток с небольшими перерывами на сон и еду Пономаренко с Чуяновым занимались проверкой возбужденных дел. Серьезные основания для привлечения к суду за «вредительскую деятельность» нашли только в четырех. Остальных людей, несмотря на яростные возражения областного управления НКВД, приехав в тюрьму, выпустили, извинившись перед невинно пострадавшими людьми. При этом Пономаренко ссылался на директивы ЦК, что помогло снять все преграды. Но уже вечером в Сталинградский обком позвонил из Москвы Маленков и в повышенном тоне потребовал от Пономаренко прекратить самовольные действия. Ему уже звонили из областного управления НКВД, а затем и сам всесильный глава НКВД Ежов с жалобой на «ставшего на сторону врагов народа» инструктора ЦК. «Никто не позволит вам либеральни-

чать, — выговаривал в телефонную трубку Маленков. — Вы превысили свои полномочия и понесете за это самую строгую ответственность». «Я к этому готов, — ответил Пономаренко. — Но прошу заметить, что наши с Чуяновым действия поддержали все члены бюро обкома. Все они подписались под письмом, которое направлено в ЦК».

Вот об этом конфликте Маленков и рассказал Сталину, зная, что ему все равно доложат о письме руководителей областной партийной организации.

— Как фамилия того инструктора? — спросил Сталин.

— Пономаренко, он работает в аппарате недавно. Рекомендовал лично товарищ Андреев. Претензий по работе нет. Характеризуется положительно. Вот только с партийной дисциплиной у него явный непорядок... Может заупрямиться и стоять намертво на своем.

— Это не тот ли ершистый молодой человек, который отстоял учебник по металлургии?

— Да, именно он, товарищ Сталин.

— Но а почему вы обращаетесь прямо ко мне, что вы сами-то сделали, чтобы решить этот вопрос?

— Я предупредил инструктора о самой строгой ответственности, которую он понесет за свои самоуправные действия по возвращению в Москву, просил его изменить свою позицию. Но он моему указанию не подчинился. Заявил, что послан в Сталинград не Маленковым, а Центральным Комитетом партии, и что принял решение, руководствуясь своим партийным долгом и совестью коммуниста. Изменить свое решение его не заставит никто, даже сам товарищ Сталин.

Маленков как опытный аппаратчик понимал, что молодой партийный работник будет отстаивать свою позицию и наверняка обратится к своему протезе Андрееву, а к нему Сталин относился с большим уважением. Да и сам вождь с его феноменальной памятью наверняка вспомнит фамилию того инструктора, из-за которого на совещании

С полным текстом документа можно ознакомиться
в библиотеке